

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-16-23

EDN: AKPJNG

ASJC 1202

ГРНТИ 13.11.44

Ссылка для цитирования: *Новикова М. В.* Память о войне как ключевой компонент в коммуникациях советских и немецких писателей при личных и официальных встречах в 1950–1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 16–23. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-16-23. EDN: AKPJNG

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ В КОММУНИКАЦИЯХ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПРИ ЛИЧНЫХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ВСТРЕЧАХ В 1950–1960-Е ГОДЫ

М. В. Новикова

Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева, 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 24, корп. 1

marina.novikova@mail.ru

Researcher ID: QIV-5116-2026

SPIN-код: 5917-5317

Анализируются первые контакты немецких и советских писателей и журналистов после войны. Исследуется дискурс вчерашних противников, определяется место, которое в их разговорах и письменных высказываниях занимает тема прошедшей войны. В качестве источниковой базы используются архивные документы, часть которых впервые вводится в научный оборот, а также материалы личного происхождения: дневники, письма, путевые заметки и воспоминания. Сразу оговоримся, что данная тема представляет для нас не литературоведческий интерес, а рассматривается в исследовательском поле исторической науки. Немецкие писатели, чаще всего они были еще и авторитетными общественными деятелями, привлекают наше внимание, с одной стороны, как трансляторы идей и концепций, оказывающих влияние на формирование общественного сознания немецкого общества, с другой – как члены этого социума, отражающие точки зрения, которые в нем циркулируют. Поэтому их высказывания позволяют проследить, как формировалась историческая память о Второй мировой войне в ФРГ и ГДР, в чем эти проекты памяти были схожи, а в чем различны, каким образом соотносились с памятью советских литераторов о войне. Предметом исследования данной статьи стали представления о прошедшей войне западногерманских и восточногерманских писателей, высказанные ими в связи с их приездами в Советский Союз. Его актуальность объясняется недостаточной изученностью темы и тем фактом, что практики выстраивания мирного диалога вчерашних противников могут быть востребованы и в современном контексте.

Ключевые слова: советско-германские контакты, память о войне, Криста Вольф, Генрих Бёльль, Эрих Куби.

Введение

Историография вопроса советско-германских писательских контактов в годы холодной войны находится на стыке ряда дисциплин. В первую очередь к ним проявляют интерес исследователи немецкой литературы и культуры. В современной историографии российско-немецких литературных связей можно выделить вышедший в 2022 г. в Институте мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН труд «Россия – Германия: литературные встречи (после 1945 года)». Как отмечают составители, главной целью книги, под обложкой которой собраны результаты исследований тридцати авторов, было «дополнить либо скорректировать уже сложившиеся представления о специфике литературных (шире – культурных) взаимосвязей двух стран после 1945 г.» [Россия – Германия..., 2022]. К этой проблематике возникает интерес и у историков, у специалистов, занимающихся культурной дипломатией, особенно если

учесть, что немецко-русские литературные взаимосвязи периода холодной войны были вовлечены в орбиту идеологизированной культурной политики, были не просто частью исторического процесса, но также компонентом большой политики, учитывая, что часть левых западно-германских писателей-интеллектуалов была приближена к центру принятия политических решений в годы правления, например, Вилли Брандта [Новикова, 2020].

Основательно в научном поле проработана тема взаимоотношений с Советским Союзом западногерманского писателя Вольфганга Кёппена [Зачевский, 2019]. Наиболее популярной является тема, связанная с взаимодействием писателя Г. Бёлля и советских литераторов [Азодовский, 2016]. По ней есть и достаточно обширная источниковая база, и богатая мемуарная литература (Орлова, Копелев, 1990; Черная, 2015; Кацева, 2002). В 2017 г. была опубликована на русском языке двадцатилетняя переписка (1962–1982) Г. Бёлля и Л. Копелева, ставшая важным документом эпохи, подспудно отражающим жизнь в ФРГ и СССР (Генрих Бёлль, Лев Копелев. Переписка, 2017).

В данной публикации мы опираемся на эго-документы, а также расширяем источниковую базу архивными документами, которые помогают более детально реконструировать тему советско-германских контактов. В качестве основного пласта использованы документы Иностранной комиссии – структурного подразделения Союза писателей СССР, которое занималось установлением культурных связей с зарубежными писателями. Фонд находится на хранении в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26). В перечне функциональных обязанностей сотрудников Иностранной комиссии был закреплён обширный спектр работ, связанный с международной коммуникацией – от изучения литературной ситуации в различных странах, подготовки многочисленных справок и докладных записок о писателях, их творчестве и общественно-политической позиции, пропаганды советской литературы за рубежом и контрпропаганды, налаживания контактов с зарубежными писательскими объединениями различных форматов до организации приема в СССР писательских делегаций, отдельных литераторов и издателей.

Документы позволяют проследить, каким образом отбирались персоналии для посещения Советского Союза, тщательно проверялись как творчество писателей, так и их современные выступления. С западногерманскими писателями ситуация была особенно сложной. К этому времени в литературном пространстве СССР образовалась брешь, связанная с «замораживанием» на 15 лет переводов книг с немецкого языка [Новикова, 2025, с. 41]. Ее нужно было восполнять, но сложность была двойная: выстраивание отношений отягощали память о войне и начавшаяся холодная война. Предпочтения для приглашения в Советский Союз отдавались «прогрессивным писателям», которые критиковали милитаристские настроения западногерманского правительства. Выяснить настроения помогали как сотрудники советского посольства в ФРГ, так и советские литераторы, побывавшие в Западной Германии. Так, например, ездивший в командировку в Западную Европу в 1959 г. украинский советский писатель и драматург Александр Корнейчук в памятной записке, направленной в Иностранную комиссию, отметил, что был в гостях у двух крупных западногерманских писателей: Стефана Андреса, «который по отношению к нам ведет себя прилично» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 3166. Л. 1), и Генриха Бёлля, который «выступает за дружбу с Советским Союзом» (Там же. Л. 2), – и пригласил их приехать. Естественно, что ограничить приезд немецких литераторов только симпатизантами Советского Союза не получалось, так как, согласно культурному обмену, каждая сторона самостоятельно формировала делегации.

После каждой поездки за рубеж или сопровождения иностранных делегаций во время их приезда в Советский Союз консультанты комиссии, переводчики и другие сотрудники, контактировавшие с иностранцами, должны были составлять отчеты, в которых отражали все мероприятия, проходившие во время визита и происходившие при этом разговоры.

Вот, например, цитата из отчета, которую представил в Иностранную комиссию один из сопровождавших делегацию западногерманских писателей в 1962 г. в составе Г. Хагельштанге, Г. Бёлля и Р. Герлаха: «Во время поездки было несколько бесед на политические темы с Хагельштанге (в одной из них участвовал также Бёлль). Хотя каждый из троих при всяком слу-

чае подчеркивал свою аполитичность, все они, в особенности Хагельштанге, охотно вступали в политические дискуссии. Основные аргументы Хагельштанге: «В Советском Союзе нет столь широкой демократии, как в Западных странах. В Западной Германии никакого реваншизма нет – все это выдумки советских пропагандистов. Смешно, что именно Советский Союз – могучая мировая держава – боится маленькой, связанной всевозможными запретами и ограничениями Западной Германии»» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 3194. Л. 8).

Взятая в качестве предмета исследования военная тематика в разговорах советских и немецких писателей во время их послевоенных встреч позволяет проследить, как формировалась историческая память о прошедшей войне у разных сторон «по горячим следам», какие нарративы были актуальны в тот момент.

«Немцы, я трижды был ранен вами!»

Первые контакты советских и немецких писателей начались практически сразу после войны. В 1947 г. в Берлине состоялся Первый съезд немецких писателей (Erster Deutscher Schriftstellerkongreß), который готовился под непосредственным патронажем Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и проходил в советском, английском и американском секторах Берлина. В работе Первого съезда приняли участие около 300 писателей, публицистов, издателей, редакторов, критиков и корреспондентов из СССР, США, Англии, Чехословакии, Югославии, Франции, Южной Африки и из четырех зон оккупации Германии. На него прибыла и советская делегация: Валентин Катаев, Всеволод Вишневский, Борис Горбатов. Сразу проявились идеологическое противостояние и раскол между бывшими союзниками. Особенно ярко это прозвучало в «открыто провокационно-пропагандистской речи» Вс. Вишневского [Зачевский, Кудрявцева, 2023, с. 13]. Он напомнил участникам съезда о том, что «мир разделен на две части», одна из которых «представлена черной реакцией, варварством, идеологией человеконенавистничества и милитаризма, а другая – миллионами простых людей, которые живут и борются за мир... и демократию» [Там же]. Назвав виновников подобного разделения в лице «американской и британской реакции», пугающих мир «железным занавесом» и «атомными бомбами», он призвал немецких писателей и немецкий народ вливаться в ряды миллионов «демократов», следуя примеру советских писателей, и поддержать Советский Союз в его борьбе за «мир и свободу» во имя «простых людей» [Там же].

Евгения Кацева, служившая в тот момент культурофицером в Советском бюро информации, одном из подразделений СВАГ, вспоминает еще такую деталь: «Вишневский подошел к трибуне, слегка хмельной, в форме морского офицера, с расстегнутым кителем, рванул обеими руками тельняшку на груди и выкрикнул в зал: “Немцы, я трижды был ранен вами!” Мгновенно взмокший от пота, покрасневший Дымшиц [начальник отдела культуры Управления информации Советской военной администрации в Германии, подполковник. – М. Н.] торжественно перевел: “Уважаемые дамы и господа!” Зал взорвался хохотом. Это ли не переводческое искусство?!» (Кацева, 2002, с. 55). Это можно назвать не только переводческим, но и дипломатическим искусством, особенно зная, как много родственников и друзей потерял А. Л. Дымшиц на этой войне. Немецкая писательница Криста Вольф после разговора с ним написала в дневнике: «Потерял в Ленинграде 14 родственников. Воевал с огромной ненавистью. Но когда увидел первых гражданских немцев, изголодавшихся, измученных женщин и детей в битком набитых вагонах, его чувства резко изменились: в нем ожило сострадание, и в Берлине он смог без труда работать с немцами» (Вольф, 2017, с. 101).

Первая делегация немецких писателей и деятелей культуры прибыла в СССР весной 1948 г. Это были в первую очередь антифашисты – те, кто не принял нацистский режим. Кто жил либо за границей, либо, как Бернгард Келлерман, весь период нацистского господства находились во «внутренней эмиграции»: или не писали вообще, или демонстративно уклонялись от актуальной тематики (Фрадкин, 1957, с. 140–166). В мае 1945 г., как утверждал сам Келлерман, когда советские танки входили в Вердер, он сказал одному из русских офицеров, имя которого осталось неизвестно, что он – писатель Келлерман, после чего ему помогли с охраной дома и продовольствием в самый разгар боев (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Д. 39. Л. 38). В

течение двух последующих лет Келлерман выступал с интервью и статьями, изучив которые можно было понять, что он – друг Советского Союза, поэтому его и пригласили в Москву. Точно так же отбирались и другие участники делегации, поэтому был совершенно предсказуем и пропагандистский эффект от их выступлений после возвращения на родину. Как информировало Москву в своих отчетах Управление информации Советской военной администрации, в статьях и выступлениях участников первой делегации немецких писателей подчеркивалось, что «за все эти недели пребывания в СССР никто из антифашистских писателей и работников культуры не слышал ни малейшего слова вражды – ни в гостинице, ни на улицах, ни в магазинах» (Там же. Л. 92). В своих выступлениях они подчеркивали, что «победоносное окончание войны дало русскому народу сознание его огромной силы и непоколебимой уверенности» (Там же. Л. 91). В дальнейшем писатели ГДР придерживались этой риторики.

Помнят про Сталинград и плен, но не о блокаде Ленинграда

В 1955 г. были установлены дипломатические отношения СССР с ФРГ и начались контакты советских и западногерманских писателей. Одним из первых в Советский Союз приехал Вольфганг Кёппен (Wolfgang Koeppen, 1906–1996). Автор трилогии, предостерегающей немцев от забвения нацизма в годы «экономического чуда»: «Голуби в траве» (*Tauben im Gras*, 1951), «Теплица» (*Das Treibhaus*, 1953), и «Смерть в Риме» (*Der Tod in Rom*, 1954). Символично, что письмо Кёппену за подписью Бориса Полевого с приглашением посетить Советский Союз датировано Днем Победы – 9 мая 1956 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3133. Л. 1). От лица Союза писателей он приглашал В. Кёппена провести в СССР в качестве гостя три недели. И тот принимает приглашение. С рассказом о своей поездке в Советский Союз под названием «Господин Полевой и его гость» (*Herr Polevoi und sein Gast*) Кёппен затем выступит по радио. Программа будет иметь успех у слушателей, после чего по предложению издателей Кёппен опубликует их отдельной книгой – «В Россию и другие страны» (*Nach Russland und anderswohin*, 1958).

Примечательно, что для поездки в Россию Кёппен выберет поезд, а не самолет. Свой выбор он объяснит тем, что очень хотел «почувствовать на себе, как это идти на Восток», что чувствовали немцы, идя тогда в «русский поход» [Зачевский, 2019, с. 432]. Сильные переживания накрыли его в Сталинграде – самом страшном месте в исторической памяти немцев. Он напишет: «Я не хотел видеть Сталинград, я боялся этого города, боялся его имени, боялся трагедии, судьбы, легенды, но Сталинград уже лежал передо мной...» [Там же, с. 433]. И дальше его диалог со вчерашними противниками: «Приветливые господа спросили меня, что бы я хотел посмотреть в Сталинграде, и я знал, они ожидали, что я выражу желание посмотреть места боев, памятники защитникам города, восстановленный город, тракторный завод. Но я не хотел ничего этого видеть. Я знал о существовании этого всего... Что я хотел видеть в Сталинграде? Я и сам не знал этого, я был в отчаянии, и, вероятно, в Сталинграде можно испытывать чувство отчаяния» [Там же].

Кёппен не просто так выбрал для своей поездки Сталинград. Этот город занимал особое место в исторической памяти немцев, место национальной трагедии немецкого народа. Когда во второй половине 1950-х гг. западногерманский кинематограф обратился к осмыслению войны, он начал рефлексию со сталинградской темы в фильмах «Собаки, вы хотите жить вечно» (*Hunde, wollt ihr ewig leben*, 1959, режиссер Франк Висбар), «Врач из Сталинграда» (*Der Arzt von Stalingrad*, 1958, режиссер Геза фон Радвани) и др. [Новикова, 2023, с. 176].

Пережитая война была настолько болезненным воспоминанием для всех, что советской стороне приходилось неоднократно сглаживать углы. Так произошло, например, во время первого, уже упомянутого выше, приезда в СССР Генриха Бёлля (Heinrich Theodor Böll, 1917–1985) осенью 1962 г. В московском Доме литераторов была организована встреча, в ходе которой ему прислали в президиум записку с вопросом: «Господин Бёлль, что вы делали во время войны?» Председательствующий Вадим Кожевников попытался смягчить положение и сказал, что тот совсем не обязан отвечать на этот бестактный вопрос. Здесь не съезд ветеранов войны, а собрались, чтоб говорить о литературе» (Некрасов, 1983). Это была не первая ситуация в жизни Бёлля, когда ему приходилось отвечать за недавнее прошлое свое и своей страны. Как вспоминает немецкий

литературный критик Марсель Райх-Раницкий, работавший после войны в Польше, в 1956 г. он организовывал приезд туда Генриха Бёлля, и это доставило Союзу польских писателей немало забот. «В красивом варшавском Доме литераторов планировался прием в честь Бёлля. Было приглашено около пятидесяти авторов, но все они отклонили приглашение и, хуже того, открыто заявили, что не хотят никаких уверток со стороны гостя или организаторов встречи. Правда, некоторые хотели узнать о недавнем прошлом гостя – был ли он эмигрантом или дезертиром, находился ли в тюрьме или концлагере или, по крайней мере, в штрафном батальоне? Когда им сказали, что на всем протяжении войны он был простым немецким солдатом, не более и не менее, писатели без околичностей отказались от встречи с Бёллем. Через одиннадцать лет после Второй мировой войны польские писатели не испытывали потребности приветствовать немца» (Райх-Раницкий, 2002, с. 334). В Советском Союзе Генриха Бёлля уже хорошо знали по книгам и встречи с ним очень ждали. И он оправдал такое отношение к себе, ни в коем случае не захотев уйти от ответа: «Нет, – заявил он решительно, – я отвечаю. Да, я был солдатом Вермахта до 1945 года. Я пришел в вашу страну. Я вполне мог бы сказать сегодня, что я не стрелял. Но это ничуть не снимает с меня ответственности. Именно об этом я и пишу» (Некрасов, 1983).

Незадолго до приезда Г. Бёлля в Москву в гостях у Союза советских писателей побывал издатель журнала «Магнум» (Кёльн) Ульрих Гембардт, приехавший в СССР для подготовки специального выпуска о советской культуре и искусстве. Во время встречи разговор также не мог не коснуться прошедшей войны. «Мы оставили в братских могилах более трехсот своих друзей, – сказал ему председатель Союза писателей А. Сурков. – Из 2500 членов Союза писателей в первые три месяца ушли на фронт тысяча человек, хотя их никто туда не приглашал» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 3198. Л. 18).

Как оказалось, в той делегации немецких литераторов, в числе которой приехал Бёлль, не только он, но и ее руководитель Рудольф Хагельштанге тоже приходил в Россию в военной форме. Когда ехали из аэропорта, Хагельштанге вдруг на мосту через Москву-реку попросил остановить машину. Выйдя из нее, он снял шляпу и долго стоял в глубокой задумчивости. Как выяснилось, 17 июля 1944 г. он в колонне немецких пленных шел по этим местам (Хасин, 2013). Последние немецкие военнопленные были отправлены домой в результате установления дипломатических отношений в 1955 г. Они везли с собой и свой нарратив о войне, в котором главное место занимали плен, Сталинград, Сибирь.

Читательский рынок в ФРГ к этому времени уже был наводнен дешевой литературой карманного формата мемуаров германских генералов и многочисленных выпусков «солдатских историй». Нигде в этой книжной продукции ничего не говорилось о преступлениях вермахта на оккупированной территории. Образ незапятнанного немецкого солдата окончательно был сконструирован устами самого федерального канцлера К. Аденауэра. Выступая в Бундестаге 5 апреля 1951 г., он заявил: «Среди военнослужащих число тех, кто действительно виновен, столь невелико, столь незначительно, что это не наносит какого-либо ущерба чести бывшего вермахта» [Борозняк, 2014, с. 41]. Эту мифологему масштабировал и западногерманский кинематограф 1950-х гг., например, в фильмах «Тайга» (*Taiga*, 1958), «Врач из Сталинграда» (*Der Arzt von Stalingrad*, 1958), в которых показывались немецкие солдаты, страдающие в советском плену [Новикова, 2023, с. 176].

В литературе, как подчеркивает немецкая исследовательница литературного процесса 1950-х гг. К. Морина, «страдания “других”, погибших на Восточном фронте: гражданских лиц, евреев, советских пленных, – не обсуждались тогда в ходе дискуссий общественно-политического или литературного характера» [Борозняк, 2008, с. 187].

Не было в западногерманском военном дискурсе и блокады Ленинграда, поэтому нередко немецкие журналисты и писатели впервые знакомились с этой страницей агрессивной войны во время приезда в СССР. В то время посещение Пискаревского кладбища и других мест памяти о блокаде уже стало частью программы визита иностранных делегаций в городе на Неве. Западногерманский журналист и писатель Эрих Куби в беседе с сотрудником посольства СССР в ФРГ говорил, что на него произвели большое впечатление поездка в Ленинград и то, что он узнал о жизни ленинградцев в годы блокады. Куби заметил, что если о сражениях под Сталин-

градом население ФРГ широко осведомлено, то о Ленинграде военного периода ему мало что известно (ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 264. Л. 173).

Не оставила равнодушным тема блокады и приехавшего по литературным делам поэта, издателя и общественного деятеля, с большой симпатией относящегося к СССР, Ганса Магнуса Энценсбергера (Hans Magnus Enzensberger, 1929–2022). Вот как о ней вспоминает сопровождавший его советский переводчик и публицист Лев Гинзбург (1921–1980): «...В Ленинграде жарким летом 1963 года мы впервые встретились с Энценсбергером. Он был легок, светел, все привлекало его внимание: ленинградские улицы, набережные Невы, звучание русской речи. Он скупал сувениры с изображением крейсера “Аврора”, подолгу смотрел на ворота Зимнего дворца, словно желая представить себе картину Октябрьского штурма, побывал в Смольном, но, когда европейские писатели, участники международного симпозиума, направились на Пискаревское кладбище, идти со всеми отказался. Они пошли туда отдельно, небольшой группой: только немцы. Над вечным покоем кладбища плыли траурные мелодии. Энценсбергер стоял смертельно бледный, лицом к лицу с совестью. Позднее в его дневнике появилась запись: “В Ленинграде, в небольшом музее я видел кусок черствого заплесневелого хлеба, величиной с палец. В зимние месяцы блокады такой кусок составлял суточный рацион для жителей осажденного немцами города. Это было меньше того, что получали узники Бухенвальда”» (Гинзбург, 1967, с. 10).

«Кого ненавидели русские – немцев или фашистов?»

У восточных немцев формировался нарратив о войне, близкий к советскому, но не идентичный. И первые контакты были достаточно болезненные. Эрвин Штриттматер, поднимая в 1959 г. тост в Союзе писателей, говорил о том, что немцы испытывают противоречивые чувства, путешествуя по Советскому Союзу (Вольф, 2017, с. 35). Когда он это говорил, немецкий писатель Отто Готше заплакал. Избежать темы недавней войны было невозможно. «Не могу забыть, как за изобильным столом в советском колхозе, который устроил пир в честь делегации ГДР, среди велеречивых тостов за всеобщее здравие, счастье и благополучие снова и снова, без малейшей тени обвинения, рассказывали о сыне-партизане, расстрелянном немцами, о брате, погибшем на войне, о семье соседей, полностью истребленной, – вспоминает Криста Вольф о своей поездке в Советский Союз в 1959 г. – И как тогда руководитель вашей делегации, старый коммунист, воспитавший в себе несгибаемую стойкость в классовых боях двадцатых годов и доказавший ее в тюрьме и в подполье, а теперь ставший высокопоставленным, непримиримо узколобым функционером, – как этот человек едва не разрыдался, когда хотел ответить на тосты русских» (Там же, с. 36).

Позже Криста Вольф расскажет, что общение с советскими писателями помогло ей избавиться от чувства стыда за то, что она немка, хотя вначале было очень сложно. «Судорожная напряженность в отношениях между немцами и русскими начинает ослабевать. Говорят куда более открыто», – запишет она в дневнике (Там же, с. 48). А позже, уже в 1970-е, во время одной из читательских встреч она скажет: «Думаю, тесное общение с этими людьми мало-помалу избавило меня от чувства стыда за то, что я немка» (Вольф, 1990, с. 305). Поводом к такому признанию стало откровение одного из участников встречи, который признался, что до сих пор стыдится своей принадлежности к немецкой нации: «Не могу вырвать это из себя, особенно за границей» (Там же). В ответ Криста Вольф призналась, что проблема «быть немцем» ей очень знакома, но сейчас она начисто утратила это ощущение. «Нет его больше, нет чувства стыда, что я немка. Я поняла это вот сию минуту, когда начала говорить, и сию же минуту догадалась, почему оно исчезло: благодаря моим советским друзьям, которые все были на войне – офицерами или фронтовыми журналистами» (Там же).

И западногерманские, и восточногерманские немцы в разговорах с советскими людьми хотели понять: кого ненавидели русские – немцев или фашистов? Этим вопросом задавался западногерманский журналист Эрих Куби, который, говоря о целях своего визита в СССР среди прочего упомянул, что хотел бы «еще выяснить отношение советских людей (в частности ленинградцев) к немцам, кого ненавидели – немцев или фашистов» (РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 26. Д. 3207. Л. 3) Об этом пыталась узнать Криста Вольф, когда приехала взять интервью у Константина Симонова (Вольф, 2017, с. 180).

Заключение

Подводя итог краткому обзору дискурса о Второй мировой войне, который выстраивался в 1950–1960-е гг. между советскими и немецкими писателями, можно отметить следующее.

Несмотря на всю тяжесть прошедшей войны, сразу после ее окончания стали происходить первые контакты между писателями победившей и побежденной сторон.

В 1950–1960-е гг. приезд в Советский Союз был эмоционально сложным событием для немцев – как из Восточной, так и из Западной Германии. Военная тематика обязательно присутствовала в личных разговорах и официальных контактах немецких и советских литераторов. В этом дискурсе прослеживается то, какие акценты доминировали в исторической памяти о войне. Для западногерманских немцев особое место памяти – Сталинград. Даже невоевавший Вольфганг Кёппен под силой сформированного в Германии отношения к этой битве со страхом ехал на встречу с городом на Волге. О трагедии в Ленинграде немцы узнавали уже в Советском Союзе: в немецкой памяти о войне сюжет с блокадой Ленинграда отсутствовал.

У восточных немцев формировался нарратив, близкий к советскому, только отягощенный чувством вины. Встречи и разговоры с советскими писателями, прошедшими войну, помогали с этим чувством справиться.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 264. Л. 173.
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3125; Ед. хр. 3166; Ед. хр. 3175; Ед. хр. 3194; Ед. хр. 3207; Оп. 30. Ед. хр. 552. Ф. 2549. Оп. 3. Ед. хр. 45.
Вольф К. От первого лица. М.: Прогресс, 1990. 416 с.
Вольф К. Московские дневники / пер. с нем. Н. Фёдоровой. М.: Текст, 2017. 286 с.
Генрих Бёлль, Лев Копелев. Переписка 1962–1982. М.: Libra, 2017. 381 с.
Гинзбург Л. Предисловие к сборнику. Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина. М.: Молодая гвардия, 1967. 120 с.
Кацева Е. Мой личный военный трофей: мемуарная проза. М.: Радуга, 2002. 232 с.
Некрасов В. Две встречи с Генрихом Бёллем [Электронный ресурс] // Новое русское слово. 1983. № 26110. URL: <https://nekrassov-viktor.com/books/nekrasov-dve-vstrechi-s-genrixom-bellem/> (дата обращения: 07.01.2025).
Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. 447 с.
Райх-Раницкий М. Моя жизнь / пер. с нем. В. Брун-Цехового. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 528 с.
Фрадкин И. Литература антифашистского сопротивления в Германии // Вопросы литературы. 1957. № 4. С. 140–166.
Хасин А. Солдат вермахта Генрих Бёлль [Электронный ресурс] // Вечерняя Одесса. 2013. 12 ноября. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/hasin-soldat-vermahta.htm> (дата обращения: 11.11.2024).
Черная Л.Б. Косой дождь: воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 632 с.

Библиографический список

- Азадовский К.М.* Генрих Бёлль и советские «диссиденты» // Литература и идеология. Век двадцатый. 2016. Вып. 3. С. 160–173. EDN: WYUPRV.
Борозняк А.И. «Мёртвые будут обвинять вас...» Роман Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» в контексте дискуссий о преступлениях нацизма // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 185–200. EDN: ISDHNF.
Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 161 с.
Зачевский Е.А. Человек, который лгал, говоря правду. Жизнь и творчество Вольфганга Кёппена. СПб.: Крига, 2019. 752 с.
Зачевский Е.А., Кудрявцева Т.В. Первый (Берлинский) послевоенный съезд немецких писателей (1947) // Вестник Иванов. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 5–21. DOI: 10.46726/H.2023.1.1. EDN: GBDTUR.

Новикова М.В. «Стоял и будет стоять за дружбу с Советским Союзом...» Контакты Г. Бёлля с СССР сквозь призму архивных документов // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2025. № 2. С. 41–47. DOI: 10.52452/19931778_2025_2_41. EDN: OBWHOOF.

Новикова М.В. Конструирование образа Второй мировой войны в кинематографе ФРГ и объединенной Германии // Историческая экспертиза. 2023. № 2. С. 175–190.

Новикова М.В. Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шрёдера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 126–137. DOI: 10.31857/S013038640010329-9. EDN: QCYCZI.

Россия – Германия: литературные встречи (после 1945 года) / отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева, А.А. Стрельникова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0683-3. ISBN: 978-5-9208-0683-3. EDN: NTWWFU.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.03.2025

MEMORY OF THE WAR AS A KEY COMPONENT IN THE COMM-MUNIKATIONS OF SOVIET AND GERMAN WRITERS AT PERSONAL AND OFFICIAL MEETINGS IN THE 1950s–1960s

M. V. Novikova

Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R.E. Alekseev, Minin Street, 24, Nizhny Novgorod, 603155, Russia
marina.novikova@mail.ru

Researcher ID: QIV-5116-2026

SPIN: 5917-5317

The article analyzes the initial postwar contacts between German and Soviet writers and journalists. It examines the discourse of these former opponents, determining the role that the recent war played in their conversations and written statements. The study is based on archival documents, some of which are introduced into academic discourse for the first time, as well as personal sources, including diaries, letters, travel notes, and memoirs. It should be noted that this topic is approached from the perspective of historical science rather than literary criticism. German writers, who were often influential public figures, are examined as conduits of ideas and concepts that shaped the social consciousness of postwar Germany. Concurrently, as members of this society, they reflected the prevailing viewpoints within it. Consequently, their statements allow us to trace how the historical memory of World War II was constructed in West Germany and the GDR, identifying the similarities and differences between these memory projects, and how they correlated with Soviet writers' memories of the war. Ultimately, this article focuses on the perceptions of the past war held by West and East German writers, as expressed during their visits to the Soviet Union. The relevance of the study stems from the lack of existing research on the subject and the fact that the practices of building a peaceful dialogue between former adversaries remain highly applicable in the modern context.

Key words: Soviet-German contacts, war memory, Christa Wolf, Heinrich Böll, Erich Kuby.

References

- Azadovskiy, K. (2016). Heinrich Böll and Soviet "dissidents". *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsatyy*, (3), 160–173.
- Boroznyak, A. (2008). "The dead will accuse you...": E. M. Remarque's novel 'A Time to Live and a Time to Die' in the context of discussions on the crimes of Nazism. *Modern and Contemporary History*, (1), 185–200.
- Boroznyak, A. (2014). *Cruel memory. The Nazi Reich in the perception of Germans in the second half of the 20th and early 21st centuries*. Politicheskaya entsiklopediya.
- Kudryavtseva, T., & Strelnikova, A. (2022). *Russia — Germany: Literary encounters (after 1945)*. IMLI RAN. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0683-3>
- Novikova, M. (2020). The problem of historical memory in Germany during Gerhard Schröder's chancellorship. *Modern and Contemporary History*, (4), 126–137. <https://doi.org/10.31857/S013038640010329-9>
- Novikova, M. (2023). Constructing the image of World War II in West German and United Germany's cinema. *Istoricheskaya ekspertiza*, (2), 175–190.
- Novikova, M. (2025). "Stood and will stand for friendship with the Soviet Union...": G. Böll's contacts with the USSR through the prism of archival documents. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, (2), 41–47. https://doi.org/10.52452/19931778_2025_2_41
- Zachevskiy, E. (2019). *The man who lied by telling the truth. The life and work of Wolfgang Koeppen*. Kriga.
- Zachevskiy, E., & Kudryavtseva, T. (2023). The First (Berlin) Post War Congress of German Writers (1947). *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (1), 5–21. <https://doi.org/10.46726/H.2023.1.1>